

УДК 343

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-44-54

А. О. Веселова,

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: veselova20020@bk.ru

А. А. Стрелкова

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: n.strelkova2017@yandex.ru

ДЕЕРФАКЕ КАК ВЫЗОВ ПРАВОСУДИЮ: КАК ПРОКУРОР ОБЕСПЕЧИВАЕТ ЗАКОННОСТЬ В ЭПОХУ СИНТЕТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья раскрывает содержание и особенности прокурорского надзора за законностью расследования преступлений, совершаемых с применением технологии deepfake. Определены основные статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые для квалификации таких деяний. Проанализированы специфические направления надзорной деятельности прокурора, включая надзор за законностью процессуальных действий органов предварительного расследования, оценку доказательств и защиту прав потерпевших. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики для повышения эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием технологии deepfake.

Ключевые слова: прокурорский надзор, deepfake, расследование, законность, квалификация, оценка доказательств.

Ссылка для цитирования: Веселова А.О., Стрелкова А.А. Deepfake как вызов правосудию: как прокурор обеспечивает законность в эпоху синтетической реальности // Социальные нормы и практики. 2025. № 3. С. 44-54. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-44-54.

А. О. Veselova

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: veselova20020@bk.ru

A. A. Strelkova

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: n.strelkova2017@yandex.ru

DEEFAKE AS A CHALLENGE TO JUSTICE: HOW THE PROSECUTOR'S OFFICE ENSURES LEGALITY IN THE ERA OF SYNTHETIC REALITY

The article examines the content and specific features of prosecutorial supervision over the legality of investigations into crimes involving deepfake technology. The main articles of the Criminal Code of the Russian Federation used to qualify such acts are identified. The specific areas of the prosecutor's supervisory activity are analyzed, including supervision of the legality of the procedural actions of the pre-trial investigation bodies, assessment of evidence and protection of the rights of victims. The article proposes measures to improve legislation and law enforcement practice aimed at enhancing the effectiveness of countering crimes involving deepfake technology.

Keywords: prosecutorial supervision, deepfake technology, criminal investigation, legality, legal classification of crimes, evidence assessment.

For citation: Veselova A.O., Strelkova A.A. (2025) Deepfake as a Challenge to Justice: How the Prosecutor's Office Ensures Legality in the Era of Synthetic Reality. *Social norms and practices*. No. 3. P. 44-54. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-44-54.

Введение

Развитие систем искусственного интеллекта открыло новые перспективы для разработки генеративного контента. Одним из наиболее распространенных инструментов создания синтетических видеороликов является технология deepfake. С одной стороны, данная технология активно используется в социально полезных целях: создание интерактивного контента в сфере бизнеса, маркетинга, рекламы; расширение возможностей киноиндустрии; внедрение в образовательные организации учебников с «оживающими» иллюстрациями; совершенствование видеоигр [Вахаева, Алисултанова, 2025: 183]. Например, пользователи российской социальной сети «Одноклассники» получили возможность использовать deepfake-технологии «Новый образ» для генерации новогодних открыток [Добробаба, 2022: 117]. Однако, с другой стороны, технологию deepfake начали активно применять злоумышленники для достижения преступных и иных асоциальных целей: мошенничество, публикация порнографических роликов, в которых лица участников заменяются лицами других людей без их разрешения, манипулирование общественным сознанием, формирование моральных паник. Например, в Дании опубликовали видео, созданное при помощи искусственного интеллекта, в котором премьер-министр сообщает об отмене Рождества и Пасхи и введении мусульманского

праздника¹.

Несмотря на то, что сегодня deepfake является достаточно распространенной технологией, доступной большинству пользователей систем генеративного искусственного интеллекта, еще не появилось устоявшееся определение данного понятия. В ряде случаев делается акцент только на технических особенностях, в частности, когда анализируемую технологию определяют как «реалистичную манипуляцию аудио-, фото- и видеоматериалами с помощью искусственного интеллекта для достижения максимального сходства с подлинными изображениями и звуковыми дорожками» [Цит. по: Виноградов, Кузнецова, 2024: 217]. На наш взгляд, это не совсем корректно. Более точными выглядят определения, в которых сочетаются технические и социальные особенности технологии. Например, И.А. Воронин и Д.П. Гавра определяют deepfake как «...опирающийся на технологии искусственного интеллекта целенаправленно созданный коммуникационный продукт (видео, фотографии, аудиозаписи и т.д.), направленный на формирование у целевых аудиторий фальсифицированного образа социального субъекта с целью получения выгоды или нанесения ущерба» [Воронин, Гавра, 2024: 35].

Таким образом, технология deepfake создает принципиально новую, «синтетическую» среду для совершения преступлений, бросая вызов традиционным механизмам правосудия. Целью настоящей статьи является анализ не только проблем квалификации и расследования таких деяний, но и выявление конкретных процессуальных и тактических инструментов, которые прокурор может и должен применять уже сегодня, в условиях формирующегося правового регулирования, для обеспечения законности. Ключевой вопрос заключается в том, как трансформируются методы работы надзирающего прокурора в эпоху, когда цифровые доказательства могут быть синтезированы, а реальность – сфальсифицирована.

Проблемы нормативного регулирования технологии deepfake в России

На данный момент в Российской Федерации нет отдельного законодательного акта, который всесторонне регулировал бы сферу deepfake-контента и защищал права граждан от преступных посягательств. Однако работа в данном направлении ведется. В Государственную Думу Российской Федерации внесен проект закона (от 16.09.2024 № 718538-8), цель которого – урегулировать вопросы, связанные с новыми технологическими реалиями. Документ предполагает расширение перечня квалифицирующих признаков в нескольких статьях Уголовного кодекса Российской Федерации – 128.1, 159, 159.3, 163, 165

¹ Политическая партия сняла фальшивое видео с премьер-министром. URL: https://www.nrk.no/norge/dansk-folkeparti-i-danmark-brukar-_deepfake_-av-statsminister-mette-frederiksen-i-video-1.16864556 (дата обращения: 02.12.2025).

(далее – УК РФ)¹. Законопроект предусматривает ответственность за преступления, совершенные: с применением изображений или голосовых записей (включая созданные искусственно или подвергшиеся фальсификации); посредством использования биометрических персональных данных любого лица, в том числе потерпевшего. В пояснительной записке к законопроекту отмечается неоднозначный статус изображений и голоса граждан: в определенных обстоятельствах они могут рассматриваться как биометрические персональные данные (и использоваться для идентификации личности), но в других случаях такого статуса не имеют. По состоянию на 27 октября 2025 года рассматриваемый законопроект находится в первом чтении². В настоящий момент Министерство цифрового развития РФ совместно с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и другими профильными федеральными ведомствами прорабатывает комплекс мер, направленных на введение обязательных правил по маркировке цифрового контента³.

Таким образом, на сегодняшний день законодательный вектор направлен не на создание отдельного «deepfake-состава», а на дифференциацию ответственности путем введения квалифицирующего признака «с применением технологий искусственного интеллекта для создания синтетических аудио-, видеоматериалов или изображений (deepfake)» в существующие составы преступлений УК РФ. Можно предположить, что даже если анализируемый законопроект не будет поддержан, появится другая законодательная инициатива, направленная на регулирование дипфейков, особенно в уголовно-правовой сфере, поскольку это необходимо для защиты прав и свобод граждан, законных интересов общества и государства. Однако пока не будут внесены изменения в законодательство, обязательства по защите граждан от действий злоумышленников, использующих технологию deepfake, должны выполняться в пределах наличествующих полномочий компетентных органов.

Особенности обеспечения законности расследования преступлений, совершенных с использованием технологии deepfake

В процессе расследования преступлений, совершенных с использованием технологий deepfake, органы дознания и предварительного следствия сталкиваются со значительными трудностями из-за недостаточного нормативного регулирования и отсутствия технического обеспечения. Однако с каждым годом совершенствуется методика расследования данных преступлений.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Законопроект № 718538-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 25.11.2025).

³ Заклеймить для надзора: в России могут ввести маркировку ИИ-контента // Известия. URL: <https://iz.ru/1915604/sergei-guranov/zakleimit-dla-nadzora-v-rossii-mogut-vvesti-markirovku-ii-kontenta> (дата обращения: 03.12.2025).

После поступления сообщения о нарушении прав граждан при помощи дипфейков правоохранительные органы проводят специальные процессуальные действия по выявлению, изъятию и анализу цифровых следов. Для решения этих вопросов органы дознания и предварительного следствия назначают проведение комплексной компьютерно-технической и лингвистической экспертизы. Также в рамках пилотных проектов в некоторых подразделениях МВД РФ тестируется программное обеспечение, которое в реальном времени распознает дипфейки в социальных сетях и мессенджерах [Асадов, 2025: 25].

Кроме того, в МВД РФ разрабатываются и проходят апробацию методики, позволяющие распознавать и различать естественную речь и речь, сгенерированную искусственным интеллектом. В частности, на основе наработок в сфере проведения фоноскопических и автороведческих экспертиз конструируются новые методы, которые позволят с достаточно высокой степенью достоверности определять как сгенерированные тексты, так и синтезированную устную речь на фонограмме¹.

Необходимо учитывать и разработки для распознавания дипфейков, которые осуществляются в коммерческом секторе. Например, российская технология от компании ООО «VisionLabs» – Deepfake Detection² – активно используется для обнаружения дипфейков преимущественно для защиты интересов банков и иных финансовых организаций, СМИ, мобильных операторов, при проведении видеоконференций и пр. [Батоев, Руденко, 2025: 91]. Однако есть перспективы использования подобных технологий и в процессе выявления и расследования преступлений, совершенных с использованием технологии deepfake. Впрочем, необходимо отметить, что использование специализированных программ для выявления дипфейков, особенно на текущем этапе развития данной технологии, не гарантирует надлежащего результата. В этой связи особое значение принимает прокурорский надзор за законностью расследования анализируемой категории преступлений и соблюдением прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства.

На основе полученных сведений о выявленных с помощью специализированного программного обеспечения дипфейках прокурор вправе применить свои надзорные полномочия. Он анализирует, насколько оперативно и квалифицированно органы дознания и предварительного следствия реагируют на такие инциденты, проверяет законность и своевременность возбуждения уголовных дел, назначения экспертиз и проведения процессуальных действий. В случае выявления нарушений прокурор применяет доступные ему меры прокурорского реагирования. Поскольку количество преступлений, совершенных с использованием технологии deepfake, постоянно растет, данный

¹ Главный эксперт МВД раскрыл секреты расследования преступлений в сфере информационных технологий // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/document/36135939> (дата обращения: 03.12.2025).

² Deepfake Detection. URL: <https://visionlabs.ru/products/deepfake-detection?ysclid=miw8gmsot38317308> (дата обращения: 03.12.2025).

признак оперативно внесли в статистический учет данных о преступлениях. В частности, в справочник № 25-ГП «Предметы, устройства и другие средства, использованные при совершении преступлений» был включен специальный код – 049 («с использованием технологии дипфейк»)¹. Таким образом, теперь при регистрации преступлений, в которых применялись технологии deepfake, будет использоваться указанный код, что позволит систематизировать сведения об этом виде правонарушений.

Одной из важнейших задач надзирающего прокурора является проверка правильности квалификации преступления. Отсутствие специальной нормы о дипфейках не является непреодолимым препятствием для привлечения к ответственности, но серьезно затрудняет адекватную оценку общественной опасности деяния. В настоящее время действия злоумышленников квалифицируются по существующим статьям УК РФ, что зачастую не позволяет в полной мере учесть специфику, масштаб причиняемого вреда и повышенную сложность раскрытия таких преступлений. Обозначенное противоречие между фактической сложностью деяния и упрощенной юридической квалификацией обосновывает законодательную инициативу о введении квалифицирующих признаков. До ее принятия ключевая задача прокурора – добиваться, чтобы в рамках существующих составов обвинение максимально полно отражало использование технологии deepfake как отягчающее обстоятельство, влияющее на характер и степень общественной опасности деяния. Это закладывает основу для последующего единообразного использования новой нормы, когда таковая будет принята.

Чаще всего злоумышленники используют технологию deepfake в целях хищения имущества или приобретения права на чужое имущество, например, с помощью имитации голоса родственника обращаются с просьбой о срочном денежном переводе или используют технологию для получения страховых выплат. Чаще всего мошенниками используются фразы «Мама/папа, я в беде, срочно нужны деньги», «У меня проблемы, помоги», «Это срочно, переведи на эту карту»². Подобные деяния квалифицируются по ст. 159 УК РФ.

Кроме того, дипфейки активно используют для совершения преступления, предусмотренного статьей 163 УК РФ. Синтетический контент применяется для шантажа и угроз с целью получения материальной выгоды.

Также злоумышленники активно обращаются к технологии deepfake в целях умышленного причинения ущерба чести, достоинству и деловой репутации человека. Такие деяния квалифицируются по ст. 128.1 УК РФ³. Важно

¹ О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре: Приказ Генпрокуратуры России от 09.12.2022 № 746 // Законность. 2023. № 2.

² Названы фразы, выдающие использующих дипфейки мошенников. URL: <https://ria.ru/20251110/mvd-2053911179.html?ysclid=mir31elq4d429023096> (дата обращения: 03.12.2025).

³ Цифровой обман: какие права нарушают дипфейки и как за это можно наказать. URL: <https://pravo.ru/story/249733/> (дата обращения: 03.12.2025).

отметить, что до 18 июня 2025 года уголовные дела о клевете без квалифицирующих признаков относились к делам частного обвинения, но использование deepfake для распространения сведений, содержащих клевету, трансформирует природу и общественную опасность этого деяния, что напрямую оправдывает усиление роли государства в расследовании и поддержании обвинения [Ефремова, Русскевич, 2024: 101]. По делам частного обвинения бремя доказывания лежит на потерпевшем, но установление факта использования дипфейка, идентификация его создателя, который может использовать средства анонимизации, требуют применения специальных технических знаний и проведения комплексных судебных экспертиз. Частное лицо не обладает ни доступом к необходимым инструментам, ни полномочиями по истребованию доказательств у интернет-провайдеров и платформ. Эта задача под силу только органам предварительного расследования под надзором прокурора.

Примирение в делах о клевете с использованием технологии deepfake может носить формальный или вынужденный характер. Законодатель, устранив возможность прекращения дела за примирением, подчеркивает публичную потребность в установлении истины и назначении наказания вне зависимости от волеизъявления потерпевшего, который мог стать жертвой шантажа или давления. Поэтому, на наш взгляд, появление технологии deepfake сыграло не последнюю роль в переходе анализируемого преступления из категории частных в частно-публичные.

Одним из наиболее опасных случаев использования дипфейков в преступных целях, по нашему мнению, является ситуация, когда осуществляется перенос лица человека (FaceSwap) в материалы порнографического содержания без его согласия (квалификация по ст. 242 УК РФ) [Ефремова, Русскевич, 2024: 100].

В каждом конкретном случае прокурор должен убедиться, что органами предварительного расследования в полной мере установлен умысел виновного лица и доказано наличие причинно-следственной связи между использованием deepfake-контента и наступившими вредными последствиями.

Самый важный аспект при расследовании анализируемой категории преступлений – это работа с цифровыми доказательствами. Прокурор осуществляет надзор за тем, чтобы органы предварительного расследования корректно использовали полномочия по назначению комплексных судебных экспертиз. Для выявления deepfake-контента требуется привлечение экспертов в области информационных технологий и цифровой криминалистики, которые могут обнаружить такие признаки дипфейков, как неестественная мимика, дефекты речи, графические несоответствия и так далее. Однако, как отмечают Н.Ф. Бодров и А.К. Лебедева, навыков выявления подобных признаков недостаточно; эксперт может прийти к выводу о том, что невозможно решить задачу, из-за слабого методического обеспечения производства экспертиз, направленных на выявление сгенерированного контента. «Таким образом, на данном этапе методического развития судебной экспертизы граждан

фактически лишается возможности доказать факт того, что нарушающий его права цифровой продукт является дипфейком» [Бодров, Лебедева, 2023: 47]. Чтобы этого не произошло, надзирающий прокурор должен особенно тщательно проверять обоснованность и полноту поставленных перед экспертами вопросов.

Помимо этого, также проверяется, соблюдался ли порядок изъятия и обеспечения сохранности цифровых носителей информации. Любое нарушение цепочки custody (непрерывности владения доказательством) может привести к признанию доказательств недопустимыми.

Немаловажным фактором также является проверка того, принимались ли меры по установлению всех соучастников, включая не только создателей и распространителей дипфейков, но и лиц, предоставивших биометрические данные для его создания, если они действовали умышленно.

Особое внимание прокурор должен уделять защите прав лиц, чьи изображения или голоса были использованы при создании deepfake-контента. В частности, в процессе осуществления надзорной деятельности за законностью производства предварительного расследования, необходимо, чтобы органы дознания и предварительного следствия установили все нарушенные права потерпевших: право на изображение, голос, неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство и др. Прокурор выясняет, разъяснялось ли потерпевшим их право на предъявление гражданского иска о компенсации морального вреда и возмещении убытков, принимались ли меры к удалению противоправного контента из информационного пространства, в том числе путем направления соответствующих требований к владельцам сайтов и хостинг-провайдерам [Асадов, 2025: 26].

Необходимо отметить, что органы прокуратуры для борьбы с неправомерным использованием технологии deepfake используют не только полномочия в сфере надзора за законностью производства предварительного расследования, но и иные полномочия. Так, например, весной 2025 года прокуратура Центрального административного округа города Москвы подала исковое заявление в суд с требованием заблокировать Интернет-ресурс (сайт), который незаконно использовал технологии искусственного интеллекта для изменения голоса обычных людей на голоса политиков (например, Владимира Путина, Дональда Трампа), героев мультфильмов и т.д. Основные аргументы прокуратуры в пользу блокировки данного сайта основывались на том, что, во-первых, распространение подобного контента нарушает положения Федерального закона «О противодействии терроризму»¹. Во-вторых, рассматриваемые технологии изменения речи могут привлечь мошенников и «подсказать» им еще один способ обмана граждан, например, путем замены голоса злоумышленника на голос знакомого гражданину человека в телефонном разговоре. Учитывая обоснованность данных аргументов, суд удовлетворил

¹ Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

исковые требования прокуратуры¹. Можно предположить, что данная практика будет масштабирована региональными прокуратурами.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что обеспечение законности в эпоху синтетической реальности фактически формирует новое направление в прокурорской деятельности – «цифровой прокурорский надзор». Он основан на активном, квалифицированном, технологически осмысленном надзоре за исполнением законов, соблюдением прав граждан, законностью процессуальной деятельности органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие, и иных поднадзорных объектов. На наш взгляд, наиболее оперативные и эффективные решения сегодня требуются в сфере цифрового надзора за исполнением законов органами предварительного расследования, которые вынуждены работать с «синтетическими посягательствами», связанными с применением технологии deepfake.

Предложения о внесении изменений в УК РФ, связанных с включением в ряд статей квалифицирующего признака в случаях совершения преступлений с использованием дипфейков, определяют стратегию прокурорского надзора за законностью расследования таких преступлений. Можно предположить, что в ближайшей перспективе прокурорам придется одновременно решать две ключевых задачи: обеспечивать законность квалификации и расследования преступлений, совершенных с использованием технологии deepfake, опираясь на действующие нормы, и закладывать процессуальную основу для будущего корректного применения новых норм. Для решения таких задач прокурорам уже сейчас необходимо хорошо понимать основы цифровой криминалистики, а также формировать навыки профилактики правонарушений в синтетической реальности с использованием надзорных полномочий.

Список литературы (References)

1. Асадов Р.Б. Цифровая мимикрия: защита прав личности от противоправного применения дипфейк-технологий // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 26-27. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.75462.

Asadov R.B. (2025) Digital Mimicry: Protecting Personal Rights from the Illegal Use of Deepfake Technologies. *Police and Investigative Activity*. No. 4. P. 26-27. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.75462. (In Russ.).

2. Батоев В.Б., Руденко А.В. О детекции дипфейков, используемых в преступной деятельности // Юрист-Правоведь. 2025. № 1 (112). С. 87-94. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005.

¹ Суд в Москве запретил сайт с ИИ, позволяющим говорить голосами Трампа и Синатры. URL: <https://www.vesti.ru/article/4450085> (дата обращения: 25.11.2025).

Batoev V.B., Rudenko A.V. (2025) On the Identification of Deepfakes Used in Criminal Activity. *Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal*. No. 1 (112). P. 87-94. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005. (In Russ.).

3. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2023. № 4. С. 42-55.

Bodrov N.F., Lebedeva A.K. (2023) Criminal, legal and forensic aspects of countering the spread and use of deepfakes in the Russian Federation. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow*. No. 4. P. 42-55. (In Russ.).

4. Вахаева Д.А., Алисултанова И.А. Проблемы и преимущества использования дипфейков в эпоху искусственного интеллекта // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2025. № 5 (158). С. 180-187. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.05.09.021.

Vakhaeva D.A., Alisultanova I.A. (2025) Problems and advantages of using deepfakes in the era of artificial intelligence. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. No. 5 (158). P. 180-187. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.05.09.021. (In Russ.).

5. Виноградов В.А., Кузнецова Д.В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. № 2. С. 215-240. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.

Vinogradov V.A., Kuznetsova D.V. (2024) Foreign Experience in Legal Regulating Deepfake Technology. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 17. No. 2. P. 215-240. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240. (In Russ.).

6. Воронин И.А., Гавра Д.П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // *Российская школа связей с общественностью*. 2024. № 33. С. 28-47. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-28-47.

Voronin I.A., Gavra D.P. (2024) Deepfakes: modern understanding, approaches to definition, characteristics, problems and prospects. *Russian School of Public Relations*. No. 33. P. 28-47. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-28-47. (In Russ.).

7. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // *Lex russica*. 2022. № 11. С. 112-119. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>.

Dobrobaba M.B. (2022) Deepfakes as a Threat to Human Rights. *Lex russica*. No. 11. P. 112-119. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>. (In Russ.).

8. Ефремова М.А., Русскевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2024. № 2 (56). С. 97-105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13.

Efremova M.A., Russkevich E.A. (2024) Deepfake And Criminal Law. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. No. 2 (56). P. 97-105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13. (In Russ.).

9. Петрова А.А. Проблема правового регулирования дипфейков // Управление организационно-экономическими системами: сборник трудов научного семинара студентов и аспирантов института экономики и управления. 2023. № 23. С. 243-247.

Petrova A.A. (2023) The problem of legal regulation of deepfakes. *Management of organizational and economic systems: Proceedings of the scientific seminar of students and postgraduates of the Institute of Economics and Management*. No. 23. P. 243-247. (In Russ.).

Сведения об авторах

Веселова Анастасия Олеговна – студент, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).

E-mail: veselova20020@bk.ru

Стрелкова Анастасия Антоновна – студент, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).

E-mail: n.strelkova2017@yandex.ru

About the authors

Veselova Anastasia Olegovna – student, the Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

E-mail: veselova20020@bk.ru

Strelkova Anastasia Antonovna – student, the Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

E-mail: n.strelkova2017@yandex.ru

Поступила 03.12.2025; одобрена после рецензирования 21.12.2025; принята к публикации 26.12.2025.

Submitted 03.12.2025; revised 21.12.2025; accepted 26.12.2025.